

Ребёнок в таком возрасте, перенося подобные издевательства, обычный человек уже давно бы заливался слезами, бунтовал в гневе или жаловался с обидой, и лишь этот мальчик терпел молча, не выказывая ни гнева, ни печали, ни просьб, ни упрёков. Его стойкость и невозмутимость духа намного превосходили детские годы.

Учитель виду не подал, лишь бесстрастно произмолвил:

— Каждому вернуться на свои места, продолжить занятия.

Дети разошлись, а Цзян Цзыя по-прежнему сел обратно в угол, опустив голову и тихонько застыл. Весь в грязи, он тем не менее держал спину прямо, а его взгляд оставался спокойным, рябью не тронутым, словно ничего и не произошло.

На дневном занятии учитель обучал их простым рифмованным стихам. Все читали вслед за ним — невнятно, запинаясь. И только Цзян Цзыя мысленно повторял каждое слово без единой ошибки, с чётким ритмом, но держал рот на замке, лишь притворяясь, будто не успевает за чтением и выглядит растерянным и тугодумом.

Учитель всё видел и намотал на ус, всё сильнее убеждаясь: этот мальчик вовсе не глуп и не туп, а одарён от природы редкими чертами лица, выдающимися способностями, однако намеренно прячет своё остроу и притворяется неумелым, проявляя запредельную выдержку.

На закате, после окончания занятий, дети один за другим расходились шумной ватагой, шагая парами и переговариваясь. И лишь Цзян Цзыя, со связкой разбитых бамбуковых планок за спиной и сплошь в пыли, в одиночестве блёкнет позади всех, шагая медленно и храня молчание.

Чжан Фу и остальные снова преградили ему путь на дороге и столкнули в придорожную лужу. Позднеосенняя грязь и вода были леденящими. Цзян Цзыя рухнул прямо в жижу, промок насквозь, его поношенная короткая кофта плотно облегла тело, слегка подрагивавшее от холода, а волосы, лицо и одежда были сплошь испачканы грязью.

— То ли дело притворяться тупицей, то ли дело молчать! Посмотрим, посмеешь ли ты еще соваться в школу! — галдели и бранились они, набросали камней и разбежались в разные стороны.

Цзян Цзыя медленно поднялся из грязи, насквозь промокший, с капающей с волос грязной водой, с ледяными руками и ногами, однако по-прежнему не плакал и не шумел, не бросался в погоню и не бранился. Он просто молча стоял у края лужи, легонько стряхивая с себя грязь, и шаг за шагом, медленно направился домой. Фигура его казалась хрупкой, но спина неизменно оставалась прямой, не согнувшись ни на йоту.

Цзян-ши издала замечила его у входа в деревню, и её сердце мгновенно сжалось, словно полоснули ножом. Она быстро подбежала, крепко обняв промёрзшего насквозь и измазанного грязью сына. Слезы брызнули из глаз в тот же миг, и голос её задрожал:

— Яэр... Как же ты так испачкался? Это они тебя обидели? Кто-то тебя ударил?

Цзян Цзыя прижался к материнской груди, говоря ровным голосом, в котором слышалась лишь легчайшая дрожь, но сохранял прежнее спокойствие:

— Мам, я в порядке. Просто оступился и упал, совсем не больно.

— Ты обманываешь маму, — Цзян-ши протянула руку, касаясь красных следов на его щеке, проводя по промокнутой насквозь одежде, и залилась слезами. — Это те дети обидели тебя, верно? Это они толкали тебя, били, топтали твои вещи, да?

Цзян Цзыя легко кивнул, больше не скрывая:

— Да, они толкали меня, топтали мои бамбуковые планки, бросали мои лепёшки и столкнули в воду.

— Тогда почему ты не увернулся? Почему не кричал? Почему не дал отпор? Почему не сказал маме? — Цзян-ши трясло от жалости к нему. — Ты мог дать сдачи, мог обругать их в ответ, мог убежать, мог спрятаться, не обязательно же было терпеть всё молча...

— Мама говорила, что нужно терпеть, нужно скрываться, не привлекать к себе внимания и не навлекать беду, — Цзян Цзыя поднял лицо, глядя на заплаканную мать, и тихо промолвил: — Если я потерплю, то не навлеку беду, не доставлю маме хлопот и смогу продолжать учиться, продолжать оставаться рядом с мамой.

Цзян-ши обняла его и горько зарыдала, смешивая слёзы с грязью на теле сына, так что её одежда на груди промокла насквозь:

— Это мама никчемна, это мама бедна, мама не смогла защитить тебя и позволила тебе с малых лет сносить такие унижения, такие тяготы...

— Мама, не плачь, — Цзян Цзыя протянул руку и мягко стёр материнские слёзы. — Мне не больно, и ничуть не обидно. Лишь бы учиться и быть рядом с мамой — стерплю всё что угодно.

Вернувшись домой, Цзян-ши вскипятила тёплой воды, смыла с Цзян Цзыя грязь, переодела в чистую, хоть и поношенную одежду, снова сварила редкой каши, разломила пополам последнюю оставшуюся пшеничную лепёшку и протянула ему.

— Завтра в школу не пойдёшь. Мама сама станет учить тебя дома, и я больше никому не позволю обидеть тебя хоть в малейшей степени, — всхлипывая, произнесла Цзян-ши.

Цзян Цзыя покачал головой, держа в руках пиалу с кашей, и тихо сказал:

— Я пойду. У учителя есть такие знания, о которых мама не знает, и письмена, которых я раньше не видел. Я хочу учиться, я стерплю, я не боюсь.

Цзян-ши посмотрела на его твёрдый взгляд, ощущая горечь в сердце, но в конце концов кивнула, больше не имея сил удерживать его:

— Хорошо, иди. Мама не станет запрещать. Только помни одно: во всём на первом месте должно быть терпение, и главное — беречь свою жизнь и безопасность.

— Я запомнил, мама.

Если за всю жизнь прочитать лишь один исторический роман, то, возможно, это будет «Первый великий учитель на все времена Цзян Цзыя».

На следующий день Цзян Цзыя снова поднялся спозаранку, облачился в ту же рваную короткую кофту и плетёные сандалии с открытыми носками, спрятал за пазуху небольшой кусочек сухой пшеничной лепёшки, закинул за спину разбитые бамбуковые планки и молча направился в деревенскую школу, словно вчерашнего купания в грязи и перенесённых издевательств никогда и не было.

Чжан Фу и остальные по-прежнему издевались над ним, по-прежнему преграждали путь, толкали, бросали камни, топтали его разломанный бамбук, выбивали из рук скудную еду и выливали питьевую воду, которую он носил с собой. Его снова валяли на земле, пачкали грязью, забрасывали камнями и оскорбляли словами. День за днём, без перерыва.

Но Цзян Цзыя неизменно терпел молча, никогда не спорил, не проливал слёз, не гневался, не умолял о пощаде, не давал сдачи, не жаловался и не отступал назад. Каждый день он вовремя являлся в школу, тихо сидел в углу, внимательно слушал лекции, молча подбирал осколки бамбука, покрытый пылью и грязью, однако спина его по-прежнему оставалась прямой, нрав — невозмутимым, а сам он с равным спокойствием принимал как милости, так и унижения, словно все земные издевательства и оскорбления были не способны поколебать его ни на малейшую толику.

Учитель Сун видел всё происходящее, и в его сердце крепили жалость и уважение.

В тот день после окончания занятий, когда все разошлись, Учитель Сун негромко окликнул Цзян Цзыя, который как раз собирался молча уйти:

— Мальчик, останься.

Цзян Цзыя замер на месте, опустил голову, повернулся, почтительно поклонился и тихо промолвил:

— Учитель.

— Следуй за мной.

Учитель Сун повернулся и вошёл во внутреннюю комнату школы.

Цзян Цзя молча последовал за ним, стоя с опущенной головой, не смея поднять взгляд и проронить лишнее слово.

В углу комнаты горел небольшой масляный светильник. Пламя было слабым, но его вполне хватало, чтобы осветить низкий столик. Наставник достал из-за пазухи половину чистой сухой пшеничной лепёшки, положил её на стол, налил пиалу тёплой воды и пододвинул к нему.

— Ешь, — голос учителя был мягким, лишённым презрения, высокомерия или холода — в нём звучали лишь спокойствие и участие.

Цзян Цзя поднял голову, в его глазах мелькнуло удивление, но он тут же опустил взгляд:

— Учитель, я не голоден.

— Велено есть — значит ешь, — ровным тоном произнёс наставник. — Не нужно стесняться и чувствовать себя ущербным. Бедная одежда — вовсе не порок, а вот бедность духа — истинный срам. Твой нрав прям и чист, он намного превосходит нравы других, так что не преуменьшай свои достоинства.

Цзян Цзя больше не отказывался, взял пшеничную лепёшку и стал медленно есть маленькими кусочками, запивая тёплой водой. Движения его были тихими и аккуратными, без малейшей спешки и жадности. Несмотря на голод, он сохранял сдержанность и достоинство.

Наставник молча смотрел на него и тихо спросил:

— Они издеваются над тобой, почему же ты не даёшь отпор? Почему не рассказываешь другим? Почему не прячешься?

Цзян Цзя опустил голову:

— Мама говорила, что в смутные времена лучше всего скрывать свои таланты ради безопасности, жить скрытно, чтобы выжить, и нельзя навлекать на себя беду или привлекать внимание. Сопротивление принесёт беду и лишит покоя.

Наставник легко вздохнул, и в его глазах отразилось искреннее одобрение:

— Хотя твоя мать — простая женщина, она понимает великие истины этого мира. Скрывать свои достоинства — не значит быть трусом, а терпение — не признак слабости. Для столь юных лет понимать это и следовать такому пути поистине бесценно.

Он сделал небольшую паузу, и его взгляд остановился на Цзян Цзя:

— Черты твоего лица необычайны, в глазах таятся звёзды, у тебя выдающиеся способности, ты схватываешь всё с первого прочтения, обладаешь несгибаемым характером и стойкостью к любым невзгодам — ты явно не из тех, кто застрянет на мелководье, в будущем тебя ждет

великое будущее. Дневные занятия слишком поверхностны и не соответствуют твоему уровню. Если хочешь, оставайся здесь каждый день после уроков, когда наступит глубокая тишина ночи, и я буду учить тебя лично.

Цзян Цзыя поднял голову, и в его глазах впервые промелькнули неподдельное изумление и искорка света, после чего он тихо произнес:

— Учитель... согласен учить меня? Но у меня нет платы за обучение, нет зерна, нет подарков, у меня абсолютно ничего нет...

— Я учу тебя не ради платы, не ради подарков, не ради славы и выгоды, — наставник говорил торжественно и твёрдо. — Лишь из любви к талантам, ради передачи заветов Дао и ради твоего чистого и стойкого сердца. Хотя ты и беден, но твоё сердце устремлено к Великому Пути, и пусть ты претерпеваешь унижения, но не теряешь истинной сути. Такой ученик — это всё, о чем я мечтал всю свою жизнь, и даже без единой медячки платы я готов передать тебе все свои знания до последней крупички.

Сердце Цзян Цзыя затрепетало, но он по-прежнему держал себя в руках, почтительно поклонившись:

— Ученик Цзян Цзыя выражает глубочайшую благодарность учителю.

— Встань, — наставник помог ему подняться и зажг тусклый масляный огонек. Тусклый желтоватый свет слабо осветил маленькую комнату. — С сегодняшнего дня днем ты по-прежнему будешь притворяться простодушным и молчаливым, не отвечать на вопросы первым, не выделяться и ни с кем не спорить. А по ночам я буду обучать тебя трактатам «Сань фэнь», «У дянь», «Ся шу», «Шан шу», наставлять в древнем Пути, обучать разуму и истории, совершенствованию духа и характера, искусству управления государством и успокоения народа, а также стратегии военного строя и ведения войн.

Цзян Цзыя опустил голову:

— Ученик крепко запомнит это и никоим образом не выкажет и доли того, чему научился, чтобы не растратить впустую душевные силы учителя.

С тех пор каждую ночь в глубокий час в деревенской школе горел тусклый огонёк: учитель и ученик сидели друг напротив друга.

Наставник передавал ему все знания без утайки: древние каноны, астрономию и географию, принципы инь и ян вкупе с четырьмя сезонами, ритуалы, законы и правила, стратегии государственного управления и военную хитрость — объяснял всё подробно, до мельчайших нюансов.

Эти каноны были сложны и глубоки, написаны архаичным языком, и обычному человеку не хватило бы всей жизни, чтобы постичь хотя бы малую их часть. Однако Цзян Цзыя запоминал всё с первого прочтения, стоило ему понять хоть самую малость, как он постигал первооснову,

проводя аналогии и делая выводы, проникаясь сутью. Его сердце постепенно озарялось светом, а Великий Путь становился всё яснее.

Когда учитель рассказывал «Сань фэнь», излагая учение о трёх началах: небе, земле и человеку, Цзян Цзя закрыл глаза в раздумьях, а спустя мгновение тихо произносил:

— У неба есть четыре сезона, у земли — четыре стороны, у человека — пять постоянств. Следовать законам неба и земли — значит пребывать в гармонии с Великим Путём.

Наставник кивал, переполненный изумлением:

— Ты постигаешь всё с первого раза. Такой природный дар редок в поднебесной.

Когда учитель рассказывал «У дзянь», повествуя об искусстве управления государством древних святых правителей, Цзян Цзя слушал молча, а затем тихо говорил:

— Управление государством заключается в успокоении народа, успокоение народа — в следовании небесному пути, а следование небесному пути — в очищении сердца. Когда сердце праведно, праведен и весь мир.

Учитель был потрясен до глубины души, еще сильнее убедившись в том, что этот мальчик от рождения наделен способностью нести в себе Великий Путь, и обычному человеку такое попросту не под силу.

Когда наставник преподавал «Ся шу» и «Шан шу», рассказывая о взлётах и падениях прошлых эпох и законах смены династий, Цзян Цзя размышлял в тишине и тихо произносил:

— Императорская Звезда тускнеет, сердца людей рассеяны, порядок верхов и низов нарушен — Поднебесная неизменно погрузится в хаос. Если правитель мудр, а министры талантливы, они действуют в согласии со временем и заботятся о простом народе — лишь тогда Поднебесная обретет мир.

Услышав это, наставник помрачнел лицом и тихо предупредил:

— Никогда и никому не произноси таких слов, храни их лишь в своем сердце, иначе навлечешь на себя смертельную беду. Ты одарен от природы и способен заглядывать в тайны неба, тем глубже должен скрываться и тем дольше должен терпеть.

— Ученик понял, — почтительно отозвался Цзян Цзя. — Ни единого слова не просочится наружу.

Каждую ночь после урока учитель оставлял ему небольшой кусочек сухой пшеничной лепёшки и пиалу тёплой воды, чтобы тот утолил голод. При тусклом и слабом свете масляного светильника Цзян Цзя приближался к огоньку и, не отрывая глаз, вглядывался в бамбуковые планки в руках учителя, запоминая древние письмена цзиньвэнь и надписи на гадательных костях. Он мысленно повторял их слово за словом, строчку за строчкой, главу за главой,

впечатывая всё в самую глубь сердца так, что уже никогда не смог бы забыть.

Иногда, когда масло в лампе заканчивалось и свет становился настолько слабым, что разобрать написанное было почти невозможно, Цзян Цзыя закрывал глаза и читал наизусть. Перед его мысленным взором вставали письма с бамбуковых планок — чёткие и ясные, без единой ошибки. И когда наставник невзначай устраивал ему проверку, какую бы главу, фразу или иероглиф он ни назвал, Цзян Цзыя отвечал легко и свободно, без малейшей заминки.

Учитель не переставал изумляться, думая про себя:

— Талант этого мальчика беспрецедентен в веках. Его способность скрывать свои таланты и железная стойкость духа таковы, что если представится подходящее время, он непременно всколыхнет всю Поднебесную и установит порядок во вселенной. Но сейчас смутные времена, и ему остается лишь затаиться и терпеть, ведь любая неосторожность грозит полным уничтожением.

Так пролетели ещё два года. Время шло незаметно, сменялись жара и холода, горная трава зеленела и увядала дважды, и Цзян Цзыя исполнилось восемь лет.

В деревенской школе жизнь шла по-прежнему. Днём он всё так же оставался рвано одетым, молчаливым и забитым мальчишкой из семьи Цзян, над которым все измывались. Чжан Фу и остальные подросли, и их методы издевательств стали ещё изощрённее: они то запирали его в дровяной сарай, то выбрасывали его разбитые бамбуковые планки в нужник, то выливали на землю его скудную питьевую воду, а то, пока учитель не видит, со спины изо всех сил толкали так, что он падал и сплошь покрывался пылью.

Цзян Цзыя неизменно оставался прежним: не гневался, не роптал, не плакал, не шумел, не жаловался и не прятался. Он просто молча прибирал беспорядок, молча отряхивал пыль, молча возвращался в свой угол и садился, словно вся физическая боль и бесчисленные холодные унижения не имели к нему никакого отношения.

Учитель видел это, и его сердце разрывалось от жалости. Днём он держал вид беспристрастного, но когда никого не было рядом, прикрывал мальчика чуть сильнее, а по ночам вкладывал в обучение все свои силы, передавая ему до последней крупницы всё то, чем владел сам, включая обрывки древних трактатов из собственных тайных запасов.

К своим восьми годам Цзян Цзыя, обладая всё той же хрупкой фигурой, уже крепко запечатлел в памяти трактаты «Сань фэнь», «У дянь», «Ся шу», «Шан шу» и даже утерянные древние стратегии, которым его учил наставник. Не пропустив ни единого слова, не перепутав ни единого принципа, он постиг их во всей полноте.

Учитель каждый раз поражался, чувствуя, что если за всю свою жизнь он заполучил такого ученика, то умереть не жалко. Но в то же время его охватывал всё больший трепет: проникательность мальчика уже почти позволяла заглядывать в тайны Небесного Пути, и если идти дальше, то речь шла уже не о человеческих знаниях, а о движении светил, законах инь и ян, сотворении мира и тайнах небесной удачи.

В конце осени того года звёзды на ночном небе сияли особенно ярко. Млечный Путь пересекал небосвод, звёзды выстроились в чётком порядке, то ярче разгораясь, то тускнея, неявно предвещая добро и зло. Возвратившись ночью из школы в свою хижину, Цзян Цзыя лег на кровать и, закрыв глаза, погрузился в раздумья. В его сознании сами собой возникли бесчисленные созвездия и траектории движения небесных светил — столь отчётливые, словно нарисованные.

Ему хотелось узнать, почему движутся звёзды, почему ходят солнце и луна, почему появляются кометы и падают метеоры; хотелось понять, как астрология соотносится с беспорядками и порядком в мире людей, с подъемом и падением государств, с бедствиями и счастьем простого народа.

В ту ночь лунный свет был едва заметен, а небо усыпано звёздами. Цзян Цзыя лежал на постели без малейшего намерения спать, а звёздная карта в его груди бушевала, не давая покоя. Боясь разбудить мать, он тихонько поднялся, босиком ступил на прохладный пол, толкнул маленькую дверь хижины и на цыпочках вышел во двор, направляясь к ровному и гладкому куску синего камня неподалеку от дома.

Этот камень годами обдувался ветрами и палился солнцем, был гладким и чистым, а главное — позволял усесться на нем со скрещенными ногами так, чтобы подняв голову, можно было без всяких помех созерцать всё ночное небо.

Цзян Цзыя уселся, скрестив ноги, выпрямил спину и запрокинул голову, глядя в небесный свод.

Прохладный ночной ветер легко коснулся его бедной, тонкой одежды, роса постепенно сгущалась, увлажняя его волосы, плечи и рукава, пробирая холодом до костей. В траве отовсюду повылазили комары, с жужжанием кружа тучами и нападая на его лицо, шею, тыльную сторону рук и лодыжки, иступленно кусая так, что кожа мгновенно покрылась красными волдырями, нестерпимо зудевшими.

Но Цзян Цзыя словно ничего этого не замечал. Не отрывая глаз, он в упор смотрел на ночные светильники, видя перед собой лишь круговорот звёздных путей, изменения света и тени, углы расположения и часы появления на небосводе. Все тяготы мира, зуд и боль, мороз и роса — всё было выброшено им за девять небес.

Он мысленно запоминал положение каждой яркой и тусклой звезды, главного светила, спутника, зловещей или гостевой звезды, а пальцами вычерчивал в пустом пространстве перед собой линии — аккуратно, шаг за шагом, воспроизводя расположение звёзд до малейшей точности.

Сколько времени он просидел так — было неизвестно. Края неба побелели, утренняя роса пропитала насквозь всю его одежду, места комариных укусов покрылись сплошными волдырями, но он по-прежнему сидел неподвижно, со сосредоточенным взглядом и отрешённым от всего постороннего сердцем.

Проснувшись на рассвете, Цзян-ши ощутила рукой пустоту рядом с собой и испуганно вскочила. Толкнув дверь, она увидела, как у двора на синем камне, словно сосна, сидит её ребёнок. Весь мокрый насквозь, с покрытыми росой волосами и распухшей кожей, он застыл в неподвижности, запрокинув голову к небу, словно превратившись в камень.

— Яэр! — испуганно вскрикнула Цзян-ши и бросилась к нему. Коснувшись его плеча, она ощутила леденящий холод. — Как ты мог просидеть здесь всю ночь? Роса такая тяжёлая, комаров столько, неужели тебе не дорог собственный организм?

Цзян Цзыя медленно пришёл в себя. Звёздный блеск в его глазах померк, сменившись привычным спокойным и простодушным выражением, и он тихо промолвил:

— Мама, я не мог уснуть, мне просто хотелось ещё немного понаблюдать за звёздами.

— На звёзды нельзя смотреть ночи напролёт, — с болью и тревогой в голосе Цзян-ши подняла его на ноги. — Ты и так хилый, круглый год не ешь досыта и не носишь теплой одежды, а если еще простудишься от ночной сырости, то даже на лекарства денег не найдется. Ты хочешь довести маму до смерти от беспокойства?

Цзян Цзыя опустил голову и тихо произнёс:

— Мама, мне не холодно, и не больно. Когда я смотрю на звёзды, я обо всем остальном забываю.

— Даже если красиво, нельзя же шутить со своей жизнью, — Цзян-ши обирала капли росы с его волос, с болью разглядывая укусы на его теле. — Комары искусили тебя вон как, неужели не чешется? Не больно? Что же ты за ребенок такой, совсем себя не бережешь?

— Не чешется, не больно, — тихо ответил Цзян Цзыя. — Когда я смотрю на звёзды, я ничего больше не чувствую.

Цзян-ши тяжело вздохнула, зная его упрямый нрав: если уж он что-то вбил себе в голову, то и десять волов с места не сдвинут. Ей оставалось лишь мягко предупредить:

— Раз уж хочешь смотреть впредь, хотя бы накидывай верхнюю одежду, не сиди сутками напролёт, не позволяй росе вымачивать твою одежду и не давай комарам кусать тебя. Мама просит лишь об одном — чтобы ты был здоров и в безопасности, а вовсе не о том, чтобы ты познавал небо и землю. Понимаешь?

Цзян Цзыя поднял глаза на встревоженное лицо матери и легко кивнул:

— Понимаю, мама, впредь я обязательно буду накидывать одежду и больше не стану мёрзнуть.

Но с той ночи Цзян Цзыя словно помешался.

Каждую ночь, дождавшись, пока мать крепко уснет, он тайком поднимался, выходил на плоский камень и глядел на звёзды всю ночь напролёт, не смыкая глаз. Как бы ни холоден был ночной ветер — он не шевелился; как бы тяжела ни была роса — он не укрывался; как бы много ни было комаров — он не обращал внимания; как бы ни зябло тело — он не съёживался. День за днём, каждую ночь напролёт, без единого перерыва.

Он собирал всё новые осколки бамбука, обломки дощечек и ровные черепки, которые выбрасывали сельчане, раздобыл кусочек тонкого уголька и сточил его до острого, тонкого состояния, пригодного для письма. Каждую ночь за созерцанием звёзд он выводил на черепках и бамбуковых планках черту за чертой, тщательно зарисовывая карты движения светил и педантично фиксируя:

- Траектории восхода и захода солнца и луны, время суток, длину света и тени.
- Яркость, углы, расстояние и расположение неподвижных звёзд.
- Направление появления комет, их цвет, форму и скорость движения.
- Пути пролетающих метеоров, направления их падения и время появления.
- Соответствие звёзд сезонам, ясной или пасмурной погоде, ветрам и дождям.

Он записывал всё с величайшей тщательностью, чертил с безупречной точностью, каждую ночь дополняя и каждый день совершенствуя записи. Не прошло и нескольких месяцев, как у него скопилось толстая стопка звёздных карт и записок, аккуратно сложенная в углу хижины, завернутая в лоскут старой ткани и спрятанная настолько надёжно, что мать не могла заметить, сельчане — заподозрить, а учитель — узнать.

Днём он по-прежнему ходил в школу, всё так же терпел издевательства, притворялся угрюмым и бестолковым, носил на себе следы пыли, комариных укусов и холодной ночной росы. Однако спина его неизменно оставалась прямой, а нрав — невозмутимым, ни на капелью не выдавая того, что он ночами наблюдал за звёздами, чертил карты и постигал небеса.

Учитель замечал, что порой днем тот погружался в глубокие раздумья, а в его глазах мелькала бездонная глубина, и пусть мальчик всё так же казался неразговорчивым, от него исходил едва уловимый отрешенный дух. Сгорая от любопытства, в ту ночь по окончании занятий наставник тихо спросил:

— Цзя, в последнее время ты часто витаешь в облаках днем, а возвращаясь домой по ночам, случаем, не занимаешься чем-то ещё?

Цзян Цзя опустил голову и почтительно ответил:

— Ученик не смеет скрывать от учителя: возвращаясь домой ночами, я не сплю, сижу на камне во дворе, наблюдаю за звёздами, фиксирую явления и черчу звездные карты.

Учитель слегка остолбенел, после чего в его глазах вспыхнуло изумление:

— Ты наблюдаешь за звёздами? Ты способен различать созвездия? Знать имена звезд? Запоминать их пути?

— С самого детства при виде звезд я чувствовал странную близость, — тихо произнес Цзян Цзыя. — Наблюдая за ними ночь за ночью, я постепенно узнал имена всех светил, траектории их движения, изменения света и тени, и, сопоставляя это с древними канонами, которым меня учит наставник, кое-что понял сам.

Сердце наставника дрогнуло. Он поднялся, подошел к нему, и его взгляд прожег мальчика насквозь:

— А ну поведай, что ты видишь, когда наблюдаешь за небом?

Цзян Цзыя поднял взгляд — спокойный, но озарённый слабым пронизательным светом:

— В небе есть три ограды: Цзывэй, Тайвэй и Тяньши, а также двадцать восемь созвездий на западе. У каждой звезды есть свое назначение, каждая предвещает добро или зло и соотносится с императорами людей, удельными князьями, чиновниками и воинами, простым народом, оружием, годами и урожаем.

Учитель шумно втянул воздух:

— Ты самостоятельно постиг три ограды и двадцать восемь созвездий? Без чьих-либо наставлений, без книг-подсказок, просто глядя по ночам в небо, ты смог познать их расположение?

— После долгих наблюдений звёздная карта сама собой сложилась в моем сердце, — тихо ответил Цзян Цзыя. — Записывая всё ночь за ночью и сверяясь изо дня в день, я постепенно уяснил закономерности до последнего штриха.

Наставник долго молчал, чувствуя, что стоящего перед ним ребенка уже никак нельзя назвать «одаренным от природы» — это был прирожденный астролог, человек, рожденный заглядывать в тайны неба, которому не нужно было учиться тому, что составляет сокровеннейшую суть Великого Пути.

Он понизил голос и сурово произнес:

— Астрология связана с судьбой государства и тайнами небес. Ее нельзя легко показывать людям и тем более нельзя опрометчиво судить о добре и зле. Запомни: тебе достаточно знать это в сердце, но ни в коем случае не пророни ни единого слова посторонним, иначе навлечешь смертельную беду, и тогда я вместе с твоей матерью тоже окажемся замешаны.